

**ФОЛЬКЛОР В СВЕТЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 1930-х ГОДОВ
(писатель Н. П. Леонтьев и народная сказительница М. Р. Голубкова)**

*Работа представлена кафедрой русской литературы.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. Н. Власов*

Статья посвящена генезису жанровых новообразований, появляющихся во второй половине 1930-х гг. в отечественном фольклоре. Рассмотрены методы работы фольклористов с советскими сказителями на примере работы собирателя и писателя Н. П. Леонтьева со сказительницей М. Р. Голубковой. В работе показана «эволюция» взглядов собирателя, изменчивость его позиции в зависимости от общественной ситуации.

Ключевые слова: фольклор, сотрудничество, сказитель, идеология, жанр.

The research is devoted to the genesis of new genre formations of the Russian folklore, which appeared in the second half of the 1930s. Methods of folklore specialists' work with Soviet singers are considered by the example of the work of the collector and writer N. P. Leontiev with the singer M. R. Golubkova. The «evolution» of the collector's opinion and fickleness of his position depending on the public situation is rated in the research.

Key words: folklore, collaboration, singer, ideology, genre.

Тридцатые годы XX в. в истории СССР были отмечены ростом интереса к фольклору. При этом термин «фольклор» наделялся новым содержанием. М. К. Азадовский оспаривает определения фольклора, предложенные дореволюционными и западными учеными: «В трактовке буржуазной фольклористики, в основе фольклора

лежит момент архаики. <...> Современный фольклор имеет дело не только с отражениями далекого прошлого, но с творческими произведениями, отражающими сегодняшний день»¹.

В декабре 1933 г. прошло первое совещание писателей и фольклористов, на котором Юрий Соколов заметил, что фольк-

лору в современном обществе уделяется недостаточно внимания, а между тем он играет большую роль в жизни масс, «фольклор (устная поэзия) – одна из важнейших областей поэтического творчества, а фольклористика – одна из существеннейших частей литературоведения»². М. Горький на первом съезде писателей, в 1934 г., провозгласил «начало искусства слова – в фольклоре». После этого на страницах периодических изданий стали регулярно печататься фольклорные произведения и статьи, разъясняющие природу фольклора и способы его собирания. Ю. М. Соколов на первом совещании писателей и фольклористов предложил положить предел стихийности, активно вмешиваться в фольклорный процесс.

Ф. Миллер отмечает, что 1937–1941 гг. были периодом возрождения русской фольклористики: «Забыв свои прежние предсказания неминуемого исчезновения былины, плача и народной сказки, фольклористы стремились теперь доказать, что эти жанры по-прежнему процветают»³.

Во второй половине 1930-х гг. проводились многочисленные совещания, конференции, семинары, слеты собирателей и сказителей, целью которых было выстроить новую жанровую систему русского фольклора, соответствующую новой тематике. В фольклористике живо обсуждалась идея о взаимопомощи собирателя и сказителя, поэтому справедливые установки академической науки о невмешательстве фольклориста в сказительский текст были объявлены «предрасудками». Фигура сказителя в научном сознании 1930-х гг. была приравнена к личности начинающего автора в профессиональном литературном процессе⁴.

В марте 1939 г. во Всесоюзном доме народного творчества состоялось совещание «Методы массовой работы со сказителями». В июне 1939 г. – слет сказителей. В декабре 1940 г. в Москве происходит еще одно совещание по вопросам творческой помощи сказителям и народным певцам.

Активным участником дискуссий о сотрудничестве собирателей и сказителей был

журналист Н. П. Леонтьев, работавший со сказительницей М. Р. Голубковой. Леонтьев родился в 1910 г. в Холмогорском районе Архангельской области. Окончил среднюю школу и три курса лесотехнического техникума, публиковался в архангельских газетах. С 1936 г. он работал корреспондентом Нарьян-Марской газеты «Нарьяна Вындер» («Красный тундровик») и с этого же времени начал записывать фольклор на Печоре. В 1937 г. в деревне Голубково Леонтьев познакомился с Маремьяной Романовной Голубковой. 44-летняя доярка Голубкова владела богатым песенным репертуаром (знала более 300 старинных печорских песен), в округе она была известна и как талантливая плакальщица. «Голубкову мне удалось открыть случайно»⁵, – вспоминал Леонтьев; записав ее плач по мужу⁶, собиратель был поражен «силой художественного обобщения» плакальщицы, кроме того, заметил в этом плаче черты обличения всего старого мира. С тех пор началось многолетнее сотрудничество сказительницы Голубковой и писателя Леонтьева.

На заседании во Всесоюзном доме народного творчества в июне 1939 г. Леонтьев сообщил, что решил «...совершенно естественно помочь дальнейшему развитию этой высокоодаренной сказительницы». При этом он объясняет свою позицию следующим образом: «...я еще не считал себя причастным к корпорации фольклористов, и меня еще не отягощали те предрасудки, которыми отдельные представители этой почтенной науки окружили живое народное творчество»⁷.

Леонтьев выделял несколько этапов в работе над созданием новых произведений: 1) помощь в выборе темы; 2) ознакомление с объектом сказа (с помощью книг, журналов, газет, кино, по возможности посещение музеев и т. д.); 3) период окончательного формирования замысла (для чего надо на некоторое время оставить сказителя); 4) обсуждение замысла (Леонтьев отмечает, что следил за соответствием исторической правде); 5) работа над текстом сказа,

в которой собиратель отводил себе роль рецензента (указывал на фактические неточности и на стилистические неудачи).

Этот принцип работы Леонтьев считал универсальным для создания новых фольклорных произведений. В подтверждение своей правоты он ссылался на опыт работы с акынами и прочими сказителями советских республик. На момент отчета в 1939 г. Леонтьев считал, что этот принцип оправдал себя и за два года его «фольклористической деятельности», так как он использовал его в работе с разными сказителями, среди которых назвал А. М. Пашкову, А. Е. Суховерхову, А. И. Гладкобородову, И. Ф. Ковалева.

Фольклористы неоднократно обсуждали вопрос о границах вмешательства в фольклор. В частности, Ю. М. Соколов предостерегал от фальсификаций, от искажения замысла сказителя. Говорил, что редактирование нужно, но не в тех формах, которые часто встречаются в печати⁸.

Н. П. Леонтьев отмечал преимущество своего метода работы в том, что он практически исключает последующую переработку, так как творческое вмешательство проводилась им непосредственно в процессе написания: «Обсуждаю ли я самый замысел сказа, сюжет его и каждую отдельную строчку, я слушаю сначала мнение сказителя». Все импровизации Голубковой, по мнению Леонтьева, и без посторонней помощи представляли бы какой-то интерес для специалиста-фольклориста, но в них не было бы законченности, необходимой для художественного произведения⁹.

Уже записывая первый новый сказ, Леонтьев решил, что Маремьяна Романовна нуждается в указаниях, касающихся и композиции, и отдельных недочетов текста: «С самого начала пришлось почувствовать, что без сознательного активного вмешательства... в процесс создания нового сказа, он получится... недостаточно ярким и выразительным», так как тему Маремьяна Романовна выбрала, но сюжетом владела слабо¹⁰. Новый сказ было решено стро-

ить как продолжение предыдущего сказа о старой жизни: «Снова времячко пошло-покатилось...».

В отчете о работе с Голубковой Леонтьев приводил несколько примеров совместной работы над текстом. Приведенные примеры носят в основном уточняющий характер. Приведем несколько таких примеров. Первоначальный вариант Голубковой:

...Как по всей-то стране да нашей родине
От села к селу да к нам из городу,
К нам из городу да в деревенюшки.

Собиратель, зная, что под словом «город» в северных краях чаще всего подразумевают Архангельск, посчитал необходимым задать уточняющий вопрос: «Из какого города?» Сказительница посчитала вопрос уместным и разъяснила его в дальнейших строчках:

Что из матушки каменной Москвы,
Из-за стен Кремля белокаменных,
Что до каждой-то да деревенюшки.

Другой пример показывает нам стилистическую правку: строчка «Уж я думами да сама-крепкими» была, после замечания о ее неудачности, заменена строчкой: «Я своим умом да думой крепкою»¹¹.

Кроме фактических уточнений и собственно художественной стилистической правки, Леонтьев не скрывал, что обращал внимание и на четкость идеологической линии произведения: рекомендовал сказительнице не просто рассказывать о своем колхозе, но осмыслить все дело коллективизации¹². Подобная работа проводилась со всеми произведениями на новые темы.

Леонтьев публикует «сказы» Голубковой сначала в газете «Нарьяна Вындер», а потом в архангельских и центральных изданиях: «Правда Севера», «Правда», журналах «Народное творчество», «Наша страна», «Октябрь», «Крестьянка».

В 1939 г. Леонтьев публикует собранные на Печоре материалы в книге «Печорский фольклор» с предисловием и примечаниями В. М. Сидельникова. В сборник кроме традиционного фольклора, немалая часть

которого записана от Маремьяны Романовны, он включил и пять «новых сказов» Голубковой: «Мы пошли в поход на кулацкий род», «Про выборы всенародные», «Сила храбрая, красноармейская», «Среди Тундры город вымахал», «Мать Печорушка – всем рекам река». В предисловии к сборнику «Печорский фольклор» В. М. Сидельников отмечает, что М. Р. Голубкова из числа наиболее творчески активных поселенцев прекрасно владеет традиционной песенной поэтикой и широко использует ее приемы при создании своих произведений¹³.

В заключение доклада на слете сказителей в июне 1939 г. Леонтьев подчеркивал: «Темы новых сказов рождены самой жизнью. Сказы Маремьяны Романовны Голубковой, как и все произведения советского фольклора, – яркое свидетельство того, что идеи партии уже давно стали идеями советского народа»¹⁴.

Таким образом, в 1930-е гг. Н. П. Леонтьев является активным сторонником «помощи» сказителям: воплощает в жизнь эту идею сам и проповедует свой метод «вмешательства» в фольклористических кругах. Резко осуждает позицию невмешательства в фольклорный процесс: отказ от творческой помощи сказителям считает равным отказу от руководства одним из боевых участков идеологического фронта, подчеркивает, что это задерживает культурное строительство в стране. В сказителях он видит прежде всего людей высоких гражданских чувств и ценных способностей, стремление же сказителей воплотить в образах народной поэзии величие наших дней провозглашает глубоко прогрессивной тенденцией в народной жизни¹⁵. Леонтьев считает положительной чертой использование Голубковой в своем творчестве старинных печорских песен, так как «это художественное наследие, освоение которого обогащает, и долго еще будет обогащать, творчество советских сказителей». Еще одним «отправным пунктом» творческих исканий в области советской тематики он называет причеты и считает, что «мастерское овладение

искусством причета характеризует Маремьяну Романовну как незаурядного художника слова»¹⁶. На докладе во Всесоюзном доме народного творчества рассказ о Голубковой он начинает со слов: «Я особенно интересовался причитаниями... в которых я находил больше всего элементов образной художественной речи...»¹⁷. Так он записал плач Голубковой по мужу, с которого и началось сотрудничество.

Этот же эпизод отражен в автобиографической повести М. Р. Голубковой, написанной в соавторстве с Н. П. Леонтьевым «Два века в полвека»: главная героиня повести, Маремьяна Романовна, описывает свое знакомство с собирателем Леонтьевым: «Прихожу, у Паши сидит человек в лыжном костюме, что-то пишет. Поздоровались мы, и начал он сказывать, зачем приехал. “Фамилия моя Леонтьев. Записываю я, Маремьяна Романовна, всю вашу печорскую старину. Печора песнями богата, былинами. А то есть еще люди – причитать хорошо умеют. Не знаешь ли ты таких людей в Голубково? А бывает, и сама ты кое-что знаешь?”»¹⁸.

Леонтьев признает, что в его работе были и ошибки. На докладе в марте 1939 г. он говорил о своем методе: «В применении к Печоре я не вижу смысла в выбрасывании провинциализмов. <...> Это... полноразличные элементы русского языка, которые забыты почти на всей территории Советского Союза, но сохранились на Печоре»¹⁹.

А уже в июне того же года считает своей главной ошибкой тяготение к архаичным словам: «сказительница начиная с первых своих вещей обнаружила тяготение к наиболее архаической части словаря старинных печорских песен (“мелкотравчатая-узорчатая”, “палата избирательна” и т. д.). И мне они так нравились... что в нескольких случаях я даже ориентировал ее на использование всей этой архаики <...>. Вероятно, я ошибся»²⁰. Но добавляет, что ошибок можно в дальнейшем избежать, зато одаренная сказительница не осталась без помощи в процессе выражения сокровенных ее мыслей и чувств²¹.

В конце 1940-х гг. Н. П. Леонтьев отказался от значительной части своих прежних взглядов. В 1948 г. в статье «Затылком к будущему», опубликованной в «Новом мире», он резко осудил создание новых произведений на основе традиционных плачей. В этой статье он отмечает необходимость критики фольклористики и начинает с ее критики книги В. Г. Базанова «Поэзия Печоры», вышедшей в 1943 г. Книга Базанова посвящена результатам экспедиции на Печору в 1942 г., в предисловии Базанов пишет: «Всего экспедиция записала 36 былин, 70... сказок, 120 плачей-сказов и много лирических песен. <...> Подводя итоги работы, следует особенно отметить замечательные патриотические плачи-сказы, в которых сказительницы Печоры рассказывают на языке народной поэзии о своей ненависти к Гитлеру, о любви к Родине и тов. Сталину»²².

Леонтьев с неодобрением отмечает, что вся книга Базанова посвящена плачам, их истории, современному бытованию и т. д. «Признавая, что старые плачи – похоронные, свадебные и рекрутские – отжили свой век, В. Базанов заставляет колхозниц “импровизировать” плачи на современные темы» и разрабатывает классификацию современных форм этого жанра. Так появляются «плачи-воспоминания, плачи-сетования, плачи-оповещения, плачи-письма, плачи-сказы, плачи-наказы и даже плачи-обязательства. По одному ему известным законам логики, В. Базанов видит в плаче особую форму народного оптимизма...»²³.

Базанов объясняет свой интерес к плачам тем, что среди других жанров фольклора плачи больше всех связаны с импровизацией, они стали самым оперативным жанром, способным к активной трансформации под давлением времени. Базанов отмечает, что патриотические плачи-сказы становятся достоянием молодого поколения, среди молодежи выделяет 24-летнюю вопленицу Елену Поздееву из деревни Уег²⁴.

В причитаниях молодой народной поэты Поздеевой Леонтьев улавливает знакомые нотки, которые вызывают в памяти

сказы карельской сказительницы Е. С. Журавлевой и десятки «слащавых плачей» подобных сказу Журавлевой об озере Хасан²⁵. В данном случае, по мнению автора статьи, «скорбная музыка плача не созвучна жизнеутверждающему голосу народа и сказителю на этом пути не помогут ни его одаренность, ни богатства языка, ни беспредельная способность вносить личный элемент». В заключение рецензии на «Поэзию Печоры» Леонтьев делает следующий вывод: «Базанов прошел мимо единственного источника поэзии – мимо самой жизни»²⁶.

В той же отсталости от жизни в статье «Затылком к будущему» упрекается и редколлегия сборников «Советский фольклор», которая получает определение «департамента по российским древностям». Леонтьев упрекает А. М. Астахову в том, что она в статье «Беломорская сказительница М. С. Крюкова»²⁷ дает исчерпывающий анализ сохранившихся в памяти сказительницы былин и лишь беглый обзор ее новин. Наряду с этим ему кажется нелепым то, что чем больше в новом произведении «уже омертвевших органов традиционного фольклора», тем увереннее его причисляют к образцам советского фольклора. Автор статьи, с одной стороны, критикует фольклористов за чрезмерное внимание к классическому фольклору, с другой стороны, за то, что они ограничивают новый фольклор формой традиционных жанров.

Идею критики академической фольклористики, обращенной «затылком к будущему», Н. П. Леонтьев развивает не только как исследователь, но и как писатель. В повести «Мать-Печора», написанной в соавторстве с М. Р. Голубковой, опубликованной в 1950 г., показан образ фольклориста, безуспешно интересующегося стариной. «Невесел, нерадостен ходит товарищ Красильщиков. Ехал он сюда... собирался прогостить здесь все лето... думал он здесь найти в каждой девушке плачею или ворожею, в каждой пожилой рыбацке – бабку-знахарку. А приехал он в рыбацкое становье и увидел, что люди здесь другое поют, другое слушают»²⁸.

Причины неудач этого персонажа объясняются самими носителями традиции, рыбаками-светлозерцами: на вопрос, почему его науку считают чужой, Красильщикову отвечает светлозерская комсомолка Верочка: «Вы на старинку набросились, а мы новинкой живем»²⁹.

Другая рыбачка из комсомольского звена Оленька, вспоминая упрек Красильщикова, что она, дочь известной вопленицы, не знает причитаний, импровизирует частушку:

Подошло такое время, –
Плач на смех переменю,
А со старыми слезами
Как-нибудь повременю³⁰.

Интерес Красильщикова к плачам не одобряет и любимый герой Леонтьева, Матвей Перегудов: «Нам, признаться, плакать-то еще до революции понадоело. Пора бы вроде и позабыть их <плачи>: слезы-то у людей подсохли»³¹.

Фольклористу Красильщикову в повести противопоставлен работник районной газеты Петя Канев, который записывает новые пословицы и читает их Красильщикову: «Раньше со своей судьбой сладить не могли, а нынче судьбы всей земли вершим» или «Счастье не ищут, а делают»³².

Образ фольклориста, проходящего «мимо самой жизни», Леонтьев показывает и в своем стихотворении «Фольклорист», герой которого, Виталий Гурьевич Осколков:

... долго дифирамбы пел
Во славу песенных профессий,
Не внемля, как через купе
Двинских девчат звенели песни³³.

В повести «Мать-Печора» так же, как и в статье «Затылком к будущему», основная критика сосредоточена на пристрастии фольклористов к старине, а мысль о несоответствии старой формы и нового содержания высказывается пока в основном относительно плачей. В 1949 г., через год после публикации статьи «Затылком к будущему» и за год до выхода повести «Мать-Печора», выходит книга, подготовленная к

печати Леонтьевым, «Слово – силушка большая», где собраны произведения Голубковой: сказы о старой жизни, сказы о новой жизни, сказы о вождях революции, сказы и плачи о Великой Отечественной войне, Сказы о Москве. Да и в самой повести «Мать-Печора» при сочинении песни «Золотые руки» Маремьяна советует Матвею: «Давай пример с былин возьмем... не про слова я тебе толкую... про напев. Гляди, какой он в былине широкий! Руки-то в работе тоже не узко размахиваются, значит, и напев размашистый нужен»³⁴.

В 1950-е гг. Н. П. Леонтьев вновь пересмотрел свою фольклористическую позицию, выразив свои взгляды в статье «Волхование и шаманство», которая явилась откликом на сборник «Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи»³⁵ и вновь печатающиеся новины. Здесь он пишет о том, что уже был период, когда выставляли на всеобщее обозрение современные былины, сказы и плачи отдельных сказителей. «Массовое появление фольклорообразных уродцев в то время было вызвано сознательным стремлением отдельных фольклористов примерить непримиримое противоречие между устаревшей формой и новым содержанием». По мнению Леонтьева, переложить статью в одномерные строки может любой человек, окончивший семилетнюю школу, но не станет этого делать, потому что «такое ненужное занятие отнимает время, а главное превращает простое и ясное описание событий современности во что-то похожее на издевку над ними»³⁶.

Автор статьи признается, что и сам был повинен в этом: что в его сборнике «Печорский фольклор» есть раздел «новины» Голубковой, а некоторые из этих новин он впоследствии переиздал в сборнике сказов М. Р. Голубковой «Слово – силушка большая», способствуя этим «порче художественных вкусов читателей»³⁷.

Леонтьев обвиняет фольклористов в том, что они, не вслушиваясь в живую речь советских людей, давали полный простор

своим книжным представлениям о народном языке. Обитатели созданного сказителями фантастического царства говорят и думают на языке, напоминающем «одно-временно и былины и сказки и песни, похожие на причитания и причитания, напоминающие песни. К тому же эти странные люди переплели свое давно устарелое наречие со словами нашего современного обихода». Все это создает впечатление неискренности сказанного³⁸.

Леонтьев ставит вопрос о понятии советского фольклора, не потерял ли смысл этот термин с распространением грамотности и образования. И заключает, что раз фольклористы до сих пор не могут дать четкого определения советского фольклора, то, значит, и самого этого явления не существует, а есть лишь единая советская литература.

Ф. Миллер отмечает «Язвительная статья Леонтьева «Волхование и шаманство» крайне противоречива. Поскольку он был

наставником и соавтором Голубковой, то знал, как создается советский фольклор не понаслышке»³⁹.

Статья Леонтьева вызвала множество ответных откликов в журналах «Новый мир», «Советская этнография» и др. Вся дискуссия на страницах изданий была посвящена тому, что же такое советский фольклор и существует ли он на самом деле. Большинство участников дискуссии, сошлось во мнении, что советский фольклор все-таки существует, но только не в виде «новин» и «неоплачей».

Таким образом, пример работы Н. П. Леонтьева показывает нам трансформацию взглядов одного из любителей народной словесности от 1930-х к 1950-м гг. Позиция Леонтьева служит примером крайних точек зрения: от тезиса о необходимости помощи сказителям в создании нового советского фольклора до отрицания самого понятия советского фольклора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Азадовский М. К. Новый фольклор // Советский фольклор. Л., 1939. С. 10–11.

² Соколов Ю. М. Первое совещание писателей и фольклористов // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 204.

³ Миллер Ф. Сталинский фольклор. СПб., 2006. С. 15.

⁴ Иванова Т. Г. Сказитель и официальная политика в области фольклористики в 1930-е годы (о жанровой природе песенного советского эпоса) // Мастер и народная художественная традиция русского севера: Доклады III Международной конференции «Рябинские чтения – 99». Петрозаводск, 2000. С. 84–85.

⁵ Стенограмма совещания во Всесоюзном доме народного творчества «Методы массовой работы со сказителями» 20 марта 1939 года // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.: Сборник документов / Сост. Е. Д. Гринько, Л. Е. Ефанова, И. А. Зюзина, В. Г. Смолицкий, И. В. Тумашева. М., 1994. С. 72.

⁶ М. Голубкова. Я не жизнь жила – горе мыкала (Сказ про старую жизнь) // Народное творчество. 1938. № 3. С. 30–31.

⁷ Доклад писателя Н. П. Леонтьева «Мой опыт работы со сказительницей М. Р. Голубковой» на совещании во Всесоюзном доме народного творчества // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг. М., 1994. С. 103–104.

⁸ Из доклада академика Ю. М. Соколова на совещании по подготовке слета сказителей во Всесоюзном доме народного творчества об использовании опыта конференции мастеров фольклора Карелии. 10 июня 1939 года // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг. С. 97.

⁹ Стенограмма совещания во Всесоюзном доме народного творчества «Методы массовой работы со сказителями» 20 марта 1939 года // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг. С. 76.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Доклад писателя Н. П. Леонтьева «Мой опыт работы со сказительницей М. Р. Голубковой» на совещании во Всесоюзном доме народного творчества 16 июня 1939 года. С. 105.

¹² Стенограмма совещания во Всесоюзном доме народного творчества «Методы массовой работы со сказителями» 20 марта 1939 года. С. 73.

- ¹³ *Сидельников В. М.* Предисловие // Леонтьев Н. П. Печорский фольклор. Архангельск, 1939. С. 3–14.
- ¹⁴ Доклад писателя Н. П. Леонтьева «Мой опыт работы со сказительницей М. Р. Голубковой» на совещании во Всесоюзном доме народного творчества 16 июня 1939 года. С. 101–102.
- ¹⁵ Там же. С. 119–120
- ¹⁶ Там же. С. 101
- ¹⁷ Стенограмма совещания во Всесоюзном доме народного творчества «Методы массовой работы со сказителями» 20 марта 1939 года. С. 72–73
- ¹⁸ *Голубкова М. Р.* Два века в полвека. М., 1946. С. 218.
- ¹⁹ Стенограмма совещания во Всесоюзном доме народного творчества «Методы массовой работы со сказителями» 20 марта 1939 года. С. 76.
- ²⁰ Доклад писателя Н. П. Леонтьева «Мой опыт работы со сказительницей М. Р. Голубковой» на совещании во Всесоюзном доме народного творчества 16 июня 1939 года. С. 116.
- ²¹ Там же. С. 110.
- ²² *Базанов В. Г.* Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943. С. 3.
- ²³ *Леонтьев Н. П.* Затылком к будущему // Новый мир. 1948. № 9. С. 250.
- ²⁴ *Базанов В. Г.* Патриотические плачи-сказы // В. Г. Базанов. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943. С. 48–64.
- ²⁵ *Журавлева Е. С.* О боях на озере Хасан // Былины Пудожского края / Под. ред. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941. С. 456–458. О конфликтах на озере Хасан также слагали «сказы» И. Т. Фофанов, Н. В. Кигачев, Ф. А. Конашков, А. В. Морозова, К. Д. Андрианов.
- ²⁶ *Леонтьев Н. П.* Затылком к будущему. С. 252.
- ²⁷ *Астахова А. М.* Беломорская сказительница М. С. Крюкова // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. № 6. М.; Л., 1939. С. 176–213.
- ²⁸ *Голубкова М. Р., Леонтьев Н. П.* Мать-Печора: Повести. М., 1952. С. 446.
- ²⁹ Там же. С. 447.
- ³⁰ Там же. С. 450.
- ³¹ Там же. С. 438.
- ³² Там же. С. 447.
- ³³ *Леонтьев Н. П.* У песенных родников: Стихи. М., 1968. С. 60.
- ³⁴ *Голубкова М. Р., Леонтьев Н. П.* Мать-Печора. С. 430.
- ³⁵ Очерки русского народнопоэтического творчества советской эпохи. М.; Л., 1952.
- ³⁶ *Леонтьев Н. П.* Волхование и шаманство // Новый мир. 1953. № 8. С. 228.
- ³⁷ Там же. С. 233.
- ³⁸ Там же. С. 232–233.
- ³⁹ *Миллер Ф.* Указ. соч. С. 94.